Текст · 21 сентября 2022, 14:28
Анна Павлова,

«Вообще никто не хочет брать их». В первый день мобилизации петербургских дворников вновь отправили раздавать повестки

Ульяна Листьева работает дворником в одном из районов Петербурга. В конце апреля ее в первый раз попросили помочь разнести повестки резервистам. Начальница Ульяны тогда объяснила: обычно в сервис приходило не больше 20 штук, но в тот раз им прислали три сотни повесток. До этого, говорит Листьева, она не знала, что от сотрудников жилищно-коммунальной сферы в принципе требуют выполнять работу военкоматов.

Сегодня, сразу после того как Владимир Путин объявил о мобилизации, повестки[1] пришли снова.

«Они приходили раз в два месяца, потом стали приходить буквально раз в несколько дней. В конце апреля первый раз, в конце июня — второй, а потом стали частить: три раза в августе, в начале сентября и вот сегодня вагон прислали», — говорит Листьева.

Она объясняет, что раньше просили разнести два-три десятка повесток по тем домам, где она выполняет свои обычные обязанности: метет дворы, убирается в подъездах и лифтах. Но сегодня ей поручили раздать больше 50 извещений. Сколько всего их прислали, Листьева не знает.

«Раньше [повестки] приходили прямо все одинаковые. Все те же самые, что были у меня до этого. В начале сентября их относила, там не было ни одного нового адреса, — говорит она. — Сейчас у меня было много новых адресов, но часть людей говорили, что к ним уже приходили. Я не уточнила кто».

В России доставлять повестки призывникам и резервистам уполномочены только работники военкомата или местной администрации. Однако на практике к их вручению привлекают людей, которые не имеют права этим заниматься, например сотрудников жилищно-коммунальной сферы. Юрист[2], помогающий отказникам от военной службы, отмечал в разговоре с «Медиазоной», что повестки, которые поручили Листьевой, были оформлены неправильно — в них не была указана цель вызова. Он предположил, что их разослали, чтобы пригласить мужчин в военкомат для заключения контракта о пребывании в мобилизационном людском резерве.

В первый раз к повесткам прилагалась инструкция по вручению: если человек уже не живет по указанному адресу, то повестку с отметкой на корешке следует вернуть начальству, если проживает — отдать получателю под подпись. Если никто не открыл дверь или человек отказался принять повестку, следовало отметить это на корешке, а саму повестку опустить в почтовый ящик. Сотрудников предупредили, что корешки потом придется передать руководству для отчета. Потом начальство «устно поменяло инструкции», говорит Листьева: сотрудникам сказали, что писать

> «по данному адресу не проживает» можно только в случае, если человек действительно там не зарегистрирован.

По словам сотрудницы ЖКХ, самым удивительным оказалось то, что в этот раз ей почти везде открыли двери, хотя в прошлые разы поговорить удавалось только в 20% случаев.

«Устроили вроде как мобилизацию, и все должны быть в курсе, а мне открыли двери почти все. Хотя, мне кажется, я бы, наоборот, в подвал залезла. Я так наобщалась сегодня, что словами не передать», — недоумевает Ульяна.

Однако брать повестки под подпись не стали: «Никто не хочет, вообще никто не хочет брать их, даже близко нет».

Сама Листьева выступает против войны, поэтому разносить повестки она согласилась исключительно для того, чтобы раздавать людям контакты правозащитников, которые могут оказать призывникам и резервистам юридическую помощь, например, бот коалиции юристов и экспертов российских правозащитных организаций по альтернативной гражданской службе и сайт «Комитета солдатских матерей в Петербурге».

«Был случай, когда сначала подошел папа, видимо, потом он ушел куда-то в кусты дома, подослал сына, ему лет 12–13, и сын изо всех сил тупил. Я ему говорила: "Блин, я тебе отдаю повестку не под подпись. Ты можешь просто взять? Я скажу, что я ее потеряла. Твоему папе, возможно, понадобится

потом, если он захочет получить консультацию, иметь фото этой повестки". Ну, у сына, видимо, были инструкции сделать вид, что он шланг, и он ничего не взял», — рассказывает она.

В целом, говорит Листьева, люди сегодня охотнее брали контакты правозащитников — инструкции выслушали десятки людей. Пару раз ей открыли двери женщины с «кнопочными телефонами», которые просили Ульяну записать им контакты правозащитных организаций на бумажке, вспоминает она.

Некоторые мужчины, узнав цель визита, пытались сделать вид, что повестка пришла не им, уверена сотрудница ЖКХ.

«То есть диалог примерно такой: "Иванов Иван Иваныч?" — "Такого тут нет". — "А вы его знаете, может быть?" — "Может быть, знаю", — пересказывает она. — И если честно, мне кажется, передо мной вот и есть этот Иванов Иван Иванович. Я говорю: "Слушайте, ему повестка. Вы новости с утра смотрели? Если Иванов Иван Иванович хочет служить, то он может воспользоваться предложением. А если не хочет, то он может просто взять эту повестку без подписи, а я будто бы ее опустила в почтовый ящик. Он может потом с ее помощью получить консультацию у правозащитников, может быть". Они говорят: "Да, может быть, он захочет это сделать". Ну, они берут, на этом мы расстаемся».

В итоге, как и в прошлые разы, она договорилась с получателями, что просто укажет, что дверь ей

не открыли, а повестку она оставила в почтовом ящике, откуда «она может куда угодно пропасть» — и попросила, чтобы люди подтвердили, что их в этот день не было дома, если Листьеву будут проверять.

«Я никому ничего не буду закидывать в ящик. Я отсортировала корешки тех, кто действительно не проживали по этим адресам. Я напишу, что эти люди там не проживают точно. И будет часть, что люди не открыли дверь, — говорит она. — Я только не поняла, повестки были только тем, кто в запасе, или нет. Но это какие-то водители, какие-то строительные войска, какие-то еще, есть очень много вариантов — рядовой, стрелковые какие-то отряды».

Ульяна отмечает, что она сравнивала коды военно-учетных специальностей[3], указанные в повестках, со списком, который опубликовал глава «Агоры» Павел Чиков, и в «них абсолютное большинство не имеет расшифровки».

По ее словам, среди получателей были мужчины и 1990-х, и 1980-х, и 1970-х годов рождения. Самый младший из тех, кого она запомнила, родился в 1999 году.

Ульяна вспоминает, что за все время повестку согласился взять только один мужчина, у которого она заметила свежий послеоперационный шрам, поэтому, по ее словам, было непохоже, что он хочет служить. «Это было желание такое: ах, вы мне еще и повестку шлете, я сейчас к вам сам приду, каких там правозащитников, девочка, не надо, я сам разберусь», — рассказывает она.

По словам Ульяны, никто из адресатов не удивлялся, что повестки разносит дворник. «Мне никто не говорил, что я не имею права разносить повестки. Может быть, мы до обсуждения этого просто не дошли, — говорит она. — Но вот именно бабушки мне говорили: "Ну, они же своих сыновей туда не отправляют, а моего внука хотят"».

Листьева признается, что соглашается раздавать повестки не потому, что «боится пойти против системы», а просто хочет сделать хоть что-то.

«Я не вручила ни одной повестки. В законном поле руководство мне ничего не сделает. А если поле будет не законное, то какие варианты-то? Либо стать скотом, либо не стать. Уж лучше не стать. Это, можно сказать, последняя моя степень свободы, и я ей пользуюсь, — объясняет она. — Я хочу раздавать эти повестки. И именно так, как я это делаю. Рассказывая получателям, что это незаконно. И шлите это все в жопу вместе со мной».

Редактор: Мария Климова

---

1. Фотографии повесток есть в распоряжении «Медиазоны». Мы не публикуем их из соображений безопасности собеседницы: там указаны район Петербурга, в котором она работает, адрес военного комиссариата и личные данные адресатов.
2. Попросил об анонимности.
3. Табличка, составленная Листьевой, есть в распоряжении «Медиазоны».